

АСЯ ВАРТАНОВА

КНИГА

СУДЕБ

Ася Вартанова

Книга судеб

<https://litres.ru/74447132>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна ночь, один выбор. Он откроет мир тайн. Сумеет ли он вернуться прежним?

Ася Вартанова

Книга судеб

Аннотация

Одна ночь, один выбор. Он откроет мир тайн. Сумеет ли он вернуться прежним?

КНИГА СУДЕБ

Если мы не осознаем, что происходит у нас внутри, то извне нам кажется, что это судьба.

Карл Густав Юнг

Глава 1

— Дураки, дураки, какие же они все дураки! — крик сорвался с его губ, лицо скривилось от отчаяния, внутри него всё кипело от ярости. Вскочив, он схватил огромную книгу, лежавшую на столе, и бросил её с нечеловеческой силой, словно хотел вырвать из себя все негативные эмоции. — Дураки-и-и! — прокричал он в пустоту, голос трещал от безысходности. — Два миллиона восемьсот тысяч лет живут на этой планете, так и ничего не поняли...

Книга полетела вниз и с глухим стуком упала на тротуар прямо перед ногами случайного прохожего. Мужчина, глу-

боко погруженный в свои мысли, вздрогнул от неожиданности и инстинктивно вскинул голову. Ни открытых окон, ни балконов над головой. «Показалось? Откуда?» — пронеслось в мыслях. Мужчина поспешно огляделся по сторонам: возможно, мимо проходил кто-то и случайно уронил.

Никого не увидев, он, осторожно наклонившись, поднял книгу, пальцы пробежали по кожаной обложке, украшенной камнями. Странное чувство непонятного трепета охватило его. Открыв книгу на первой, чуть пожелтевшей от времени странице, мужчина увидел изящно выгравированную золотом надпись, от которой по спине пробежали мурашки: «Книга Судеб».

Взгляд опустился к наручным часам. 8:55. Работа! Он катастрофически опаздывал. Недолго думая, новый владелец книги закинул неожиданную находку в свой портфель и торопливо зашагал в сторону офиса, даже не подозревая, какой невероятный артефакт оказался в его руках.

Глава 2

Днём ранее.

03:45, ночной клуб «Кентавр».

Клуб почти опустел. В центре зала, среди небрежно разбросанных салфеток и пустых бокалов, одиноко сидел мужчина, потягивая виски. Он уже сбился со счёта, какой это

был стакан за этот бесконечный вечер. Из динамиков тихо, почти шёпотом, доносились слова песни:

...Гаснут огни в глубине пустоты,
Я, на ощупь иду, потеряв ориентир.
Дух мой иссяк и разрушен мой мир...

— Хм, — криво усмехнулся Лёва. — Поразительно, как всего лишь три строчки могут описать всё моё состояние. Стерва... — процедил он сквозь стиснутые зубы, ударив ладонью по столу. Пальцы обожгла резкая боль. — Какая же она стерва!

— Простите, это вы мне? — раздался рядом удивлённый женский голос. Перед ним, будто возникнув из тени, стояла девушка в дерзко короткой мини-юбке, её глаза были широко раскрыты и вопросительно направлены на него.

— Нет-нет, что вы, — резко ответил мужчина.

— Мы закрываемся через десять минут, вам необходимо оплатить счёт, — произнесла девушка, её голос показался ему неприятно громким.

Девушка посмотрела на Лёву презрительно-оценивающим взглядом, положила на стол чек и, покачивая бёдрами, удалилась в полумрак коридора.

«Все женщины — стервы», — эта едкая мысль снова обожгла мужчину. К горлу подкатила тошнота. Ему отчаянно захотелось как можно скорее убраться из этого проклятого

заведения, где каждая деталь лишь подтверждала его горькую правоту: порядочных женщин в мире не осталось.

Лёва с трудом поднялся по лестнице, ведущей к выходу, и на мгновение задержался, чтобы ещё раз оглядеть погружающийся в тишину зал. Да уж, дизайн клуба был вызывающим, как и его сомнительные «развлечения». Стены пестрели вульгарными цитатами с нецензурной лексикой, а над барной стойкой, словно гирлянды, висели женские лифчики. Как позже стало известно Лёве, клуб щедро «премировал» двумя бутылками шампанского каждую посетительницу, согласившуюся публично расстаться с этой интимной деталью гардероба.

«М-да, — с отвращением подумал он, — на что только не идут заведения ради привлечения публики, и на что готовы некоторые женщины ради бесплатной выпивки... Потеряли всякий стыд, всякое достоинство, потеряли себя».

Он подошёл к гардеробу, взял своё пальто и вышел из клуба. На часах показывало 04:00. Как же не хотелось идти домой! Мужчина сделал три глубоких вдоха, как будто хотел очиститься от сегодняшнего неудачного дня. Улицы вокруг были пустыми, лишь изредка проезжали автомобили, нарушая царившее спокойствие, легкий туман после дождя и тёплый свет фонарей придавали атмосфере уюта. Лёве как будто стало легче. Он не понимал, откуда взялось это чувство лёгкости: то ли это окружающая его тишина, то ли много выпитого алкоголя, — мысли уводили его в далёкие воспоми-

нения, а ноги вели в направлении дома.

Как же сильна была его тоска по тем временам, когда прогулки в одиночестве были для него самыми счастливыми и беззаботными.

Движение — это жизнь! Действительно, это так: благодаря ежедневной ходьбе его посещали идеи, он знакомился с интересными людьми и наполнялся энергией на весь день. Лёва улыбнулся, вспоминая историю знакомства с пожилой семьей на одной из очередных прогулок.

Он выходил на прогулку в 5:30 утра, чтобы увидеть восход солнца. Сидя на скамейке и наблюдая, как лучи солнца заражают всех вокруг, ему на душе становилось одновременно и тепло, и легко.

В один из таких дней к нему под села пожилая семейная пара, положив рядом с собой палки для скандинавской ходьбы. Мужчина с женщиной были среднего роста, одеты в спортивные костюмы. Тогда ему показалось, что эта пара излучала любовь и доброту.

— Жизнь прекрасна, да, дорогой? — сказала женщина.

— Как хорошо всё-таки, что мы пересилили лень и вышли сегодня на прогулку, а так бы спали и пропустили такой красивый восход! — произнёс её спутник и приобнял рядом сидящую даму.

— Иногда просто остановиться и начать чувствовать жизнь — это всё, что нужно для счастья, — ответила собеседница. — А вы как считаете? — Она повернула голову в

мою сторону.

— И чтобы рядом был любящий и любимый человек, — дополнил я.

— Здесь с вами соглашусь. Мы с мужем 35 лет вместе, да, дорогой?

— А точнее, женаты 35 лет и 1 день. Время пролетело! — сказал мужчина, слегка улыбаясь. — Дорогая, помнишь, как говорил наш сынок: «Жизнь надо прожить так, чтобы на небесах сказали: “Повтори!”» — обратился он к жене, а затем, посмотрев на меня, добавил: — После 35 лет брака мы с женой живём по этому девизу, и вам советуем.

— Что-то мне не хочется, чтобы моя жизнь повторилась, — ответил я. — Я бы сказал, никогда не хотел, чтобы кто-то в жизни пережил то, с чем столкнулся я.

— Всегда можно найти на белом листе чёрную точку. А вы переведите фокус с точки на лист и, возможно, измените своё решение, — сказала женщина с лёгкой улыбкой.

— Вы думаете?! — переспросил я.

— Да, — ответила собеседница, её глаза заблестели. Прошла пара минут, и она добавила: — Вы знаете, жизнь нам преподнесла много сюрпризов. У нас заболела дочь в восемнадцать лет, ей сделали операцию. Год реабилитации, год переживаний за неё, и вот сейчас наша девочка уже замужем и ждёт ребёнка. На этом сюрпризы не закончились: через два года мы потеряли сына, ему было двадцать девять лет... осталось двое деток.

— Соболезную... — мне всегда тяжело было говорить это слово. Слово, которое, казалось, уже ничего не значит...

В ответ женщина кивнула, добавив:

— Тогда мы решили, что всё по воле Господа. Значит, такова была его судьба: появиться на свет, сделать много добрых дел, прожив небольшой отрезок жизни, а потом покинуть этот мир... Наш мальчик всегда рядом с нами, мы это чувствуем... — её голос немного дрогнул.

— Да, дорогая, наш сын с нами, — супруг поднял глаза в небо, когда произносил эти слова.

Тогда мне казалось, что эта пара должна была озлобиться на весь мир, но эти люди излучали какую-то благодать, рядом с ними было так спокойно.

— Мы вынуждены вас покинуть: пора отвозить в школу наших внуков. Сегодня мы улетаем домой, — сказала моя новая знакомая. — Хорошего вам дня! Верьте в настоящую и искреннюю любовь и ищите её; любовь сможет всё вынести, даже когда кажется, что весь мир рушится.

Искренняя любовь... Эти слова болезненным эхом из прошлого отдавались в душе Лёвы. До хруста сжались кулаки, губа была прикушена до крови в отчаянной попытке сдержать подступающие слёзы. Память подкинула тот самый момент, когда ему было всего шесть лет. Леденящая детская обида, холод, пробирающий до самых костей, и беспомощность.

Одноклассники отняли его шапку, и мальчик, крошечный

и отчаянно одинокий, брёл домой; его маленькое тело пронизывал ледяной холод, а в глазах застыли непролитые слёзы.

На пороге его ждала мать. Её слова, хоть, возможно, и полные искажённой заботы, были невыносимо жестоки в его детском восприятии: «Ты опоздал! Где тебя носило?!» Грубый, унижительный удар по затылку, который оставил не только жгучую боль, но и глубокую трещину в его ранимой душе.

Ребёнок не выдержал. Слёзы, больше не сдерживаемые ничем, хлынули нескончаемым потоком. «У меня забрали шапку!..» — захлёбываясь, прошептал он. «А ты что, стоял и смотрел? Тряпка! Хватит реветь, ты мужик или кто?!» И снова волна боли, но теперь уже от слов, острых как бритва, беспощадно пронзивших его трепетное детское сердце. Эпизод, который, оставит глубокую рану, и она будет с ним на всю жизнь.

В тот страшный день мальчик понял раз и навсегда: мужики не плачут. Ребёнок кинулся в свою комнату, боясь, что женщина, называвшаяся матерью, снова его ударит.

На протяжении всей своей жизни Лёва несёт тяжелый груз: жгучей боли от застарелых обид, стыда от незащищённости и въевшегося страха, которые глубоко засели в душе, навсегда отпечатавшись на сердце.

Как же повзрослевший мальчик ненавидел ту женщину! «За что мне всё это, Господи, за что?! Почему ты выбрал

именно меня из миллиардов людей?..» — бился немой, отчаянный крик в его голове. Как же он ненавидел её ядовитые звонки... Каждый такой звонок рвал его на части и трепал нервы, заставлял сомневаться в каждом своём шаге, в самом себе. Лёва поднимал трубку, и словно невидимая тень неудачи накрывала его на весь день.

«Ты должен благодарить нас за то, что мы тебя родили! Я хотела сделать аборт, но твоя тётка отговорила... Ты — нежеланный сын! Ты неудачник, и будешь им всегда». Эти слова, пропитанные жестокостью, отдавались эхом в его голове. Несчастный мужчина стал верить в них, как в приговор на суде, постепенно теряя уверенность в себе.

Лёва старался гнать прочь любые воспоминания о своей жизни до шестнадцати лет. Та жизнь была наполнена разочарованием, болью и ненавистью. Как сейчас модно говорить, буллинг. Ему казалось, что его жизнь была сплошным буллингом, как со стороны родителей, так и от безразличного, жестокого окружения.

Повзрослевший мальчик часто задавал себе один и тот же разрывающий душу на части вопрос: «Почему именно я? Почему я родился здесь, в этой жестокой семье, а не у какого-нибудь соседского дяди Вовы, в нормальной, любящей семье?»

В этих простых, почти детских вопросах скрывалась глубокая боль от неприятия, от нелюбви. Лёва хотел быть другим, хотел быть любимым, хотел быть счастливым. Но жизнь

упорно бросала ему вызовы, заставляя сомневаться в себе и в своём праве на счастье. Мужчина шёл, погруженный в свои тяжёлые мысли, мир вокруг расплывался в тумане, звуки приглушились. Он даже не заметил, как прошёл мимо своего дома, просто продолжал идти, сам не зная куда, ведь дома его ждало привычное одиночество. Жизнь, которая неумолимо катилась ко всем чертям собачьим, заставляла его чувствовать себя загнанным в тёмный угол зверем, которому некуда бежать.

Он устал так жить: строить свою жизнь кирпичик за кирпичиком, по которым другие потом проходят бульдозером.

Иногда ему казалось, что жизнь его не просто не любит, а откровенно презирает, даёт унижительный пинок за пинком и преподносит очередной «сюрприз», точь-в-точь как в том старом еврейском анекдоте: «Скажите мне, Фима, вы живёте по закону? Или по совести?» — «По ситуации, Йося, по ситуации».

Лёва слегка улыбнулся. В этой улыбке скрывалась горечь и отчаяние. Он понимал, что жизнь не всегда справедлива, но он не хотел мириться с этим. Вернувшись к своему дому, поднялся на лифте, долго смотрел на дверь, словно какие-то невидимые силы не давали ему войти. В его гудящей голове навязчиво, как заевшая пластинка, звучали слова песни:

Я вернулся в душе со своею войною
Домой, домой, домой,

Всё знакомое, но я уже другой
Другой, но я уже, иной...»

Наконец Лёва открыл эту проклятую дверь и шагнул в полумрак квартиры. Снял обувь, подошёл к кровати и без сил рухнул на неё. Почти мгновенно провалился в глубокий сон. Ему снились всё те же картины: одиночество, предательство, неудачи и боль. Но в этом угнетающем сне, сквозь мрак и отчаяние, пробивался и тонкий, едва заметный лучик надежды и силы, чтобы бороться. Мужчина знал, что не один, что у него есть сила внутри. Он будет бороться, он будет жить.

Глава 3

Тяжёлый, похмельный сон Лёвы прервал назойливый звонок телефона. Мужчина с трудом открыл глаза; на тусклом экране высветилось до боли знакомое: «Жека Жестянщик».

«Ой, Жека, только не сейчас, не до тебя...» — мелькнула раздражённая мысль. Лёва нащупал телефон, одним движением перевёл его в беззвучный режим, перевернулся на другой бок, крепче обнял подушку и снова провалился в сон.

Спустя вечность он открыл глаза. Настенные часы безжалостно показывали 16:00. «Ох, голова раскалывается, будто мне вчера кто-то ударял по ней... Давно же я так не напивался, последний раз, кажется, ещё в безбашенные восемнадцать лет», — пронеслось в тумане сознания.

С усилием сбрасывая с себя одеяло, он поднялся с постели и подошёл к зеркалу. Его отражение — бледное, помятое, с темными несчастными глазами — было ему отвратительно.

«Лёва, сегодня тебе сорок лет, а ты выглядишь как побитая собака. Ты явно не в лучшей своей форме, и вид твой, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Тот мир, о котором ты так восторженно мечтал, ты построить не смог. Остались ли у тебя хоть какие-то шансы, старик?» — безжалостно допрашивал он самого себя. «Нет, Лёва, их нет... ни единого...» — холодным тоном отозвался внутренний голос.

Его мрачные мысли прервала настойчивая вибрация телефона, снова выдернув из омута самокопания. На экране опять назойливо светился «Жека». Лёва, тяжело вздохнув, поднял трубку.

— Алло? — голос был хриплым и безжизненным.

— Лёва, ты чего трубку не берёшь? Ты где вообще пропал? И с днюхой тебя, бро, от души!

— Жека, я дома. Ты что-то конкретное хотел? Говори, если по делу.

По Лёвиному раздражённому тону Жека сразу понял: что-то явно нехорошее стряслось.

— Ты чего не в духе, брат? Как ты там, живой?

— Жека, я вчера пил до рассвета, как не в себя, только что глаза продрал. Вчера я застукал свою жену с любовником. Как думаешь, мне сейчас сильно до дня рождения?

— В смысле, Лёва? Лара?! — мужчина не мог поверить в

слова друга. — Вот же сука, слов нет!

— Ты знаешь, сейчас у меня даже ненависти к этой женщине нет. Какая-то пустота внутри.

— Лев, может, увидимся, а? Посидим, поговорим.

— Жек, извини, хочу побыть один. Совсем один.

— Понял, братан. Окей.

— Давай, будь здоров.

Лёва медленно положил трубку. Экран телефона мелькал пропущенными звонками и нескончаемым списком сообщений. Отложив мобильник в сторону, мужчина направился в душ, словно пытаясь смыть с себя весь горький осадок вчерашнего дня. Освежившись, он опустился в мягкое кресло у панорамного окна — он любил это место, из которого открывался умиротворяющий вид на старинную церковь, — взял в руки телефон и начал безразлично просматривать накопившиеся сообщения.

Среди бесчисленного потока стандартных поздравлений его взгляд остановился на одном — от «любимой жены». Пять пропущенных вызовов, два голосовых сообщения.

«Любимая жена»... Эти два словосочетания вызвали в душе Лёвы целый ураган смешанных эмоций. Они были пропитаны тёплыми, как летний вечер, воспоминаниями о когда-то счастливых моментах, но одновременно, как острый нож, впивались в сердце напоминанием о подлом предательстве, которое он, обманутый мужчина, простить не мог, да и не хотел.

Лёва не стал перезванивать, не стал даже слушать оставленные сообщения. Вместо этого с жестокой, почти хирургической решимостью удалил всю переписку и без малейшего колебания заблокировал её номер телефона — навсегда, вычеркнув из своей жизни без права на возвращение.

«Вот и всё... Её больше нет в моей жизни», — едва слышно прошептал он, и в этом шёпоте слышались и боль, и странное горькое облегчение. У этого мужчины была одна характерная черта, которую кто-то считал его огромным минусом, а кто-то — неоспоримым плюсом: поразительное умение легко, без лишних сантиментов, прощаться с людьми, вычёркивать их из своей судьбы.

Далее нескончаемой лентой следовали дежурные поздравления от друзей, поверхностных знакомых и тех людей, которых именинник видел, возможно, всего раз в жизни на каком-нибудь случайном мероприятии.

«Хм, какая же забавная, а порой и жестокая, штука эта жизнь, — горько усмехнулся Лёва про себя. — Когда я был абсолютным никем, я и даром никому не был нужен, даже собственным родителям. А сейчас, находясь на самом пике своей профессии, я вдруг стал нужен всем. Но стоит мне оступиться, упасть с этого пьедестала — и я мгновенно исчезну из их памяти, растворюсь, как дым, и рядом снова не окажется ни одной живой души...». От этих мыслей ему стало по-настоящему страшно.

«А что, если?.. — проскользнула мысль в его голове. —

Что, если эта женщина действительно хочет поговорить? Что, если изменщица хочет как-то объясниться, оправдаться?» Но тут же Лёва вспомнил ту разрушительную боль, которую бывшая жена ему причинила, и стальная решимость снова овладела им, вытесняя за собой любые сомнения.

«НЕТ! — почти выкрикнул он в пустоту комнаты. — Это всё осталось в прошлом! Лёва, забудь её, сотри из памяти! Эта предательница не стоит и единой секунды твоих драгоценных мыслей!»

Тем временем Жека метался по своей комнате, не находя себе места. Ему было обидно за друга. Лёва столько всего вынес в этой чёртовой жизни, столько ударов судьбы выдержал... Иногда Жека всерьёз задавался мучительным вопросом: «Почему жизнь так не любит Лёву? За что ему всё это?»

Он схватил трубку и быстро набрал номер Васи.

— Вась, здорово! У Лёвы беда, серьёзная. Поехали к нему срочно, всё по дороге расскажу.

— Окей, братан, понял. С ним самим всё в порядке, жив-здоров?

— Да, физически да!

— Буду у тебя через двадцать минут, не больше.

— Жду, брат!

Глава 4

Лёва сидел за компьютером, когда до его слуха донёсся

звон колоколов. «Вечерняя служба началась», — шёпотом проговорил он. Лёва жил в одном из старых, атмосферных районов Москвы, совсем рядом с величественным грузинским Храмом Святого Великомученика Георгия Победоносца.

Любовь ко всему грузинскому, кажется, была впитана им с рождения: появился на свет будущий житель Москвы в солнечном, гостеприимном Тбилиси, в те благословенные времена, когда границы между нациями казались почти невидимыми.

Родители Лёвы были родом из тех краёв, там же и познакомились, но после драматического развала СССР семья приняла решение переехать — и это, как оказалось, стало их большой, возможно, роковой ошибкой.

Лев всегда с теплотой вспоминал строки, которые его тётя читала с такой любовью и гордостью. Стих о тбилисцах отражал не только культуру и традиции, но и ту глубокую связь, которую он чувствовал с родным городом и его людьми.

Тётя Лена говорила: «тбилисцы» — это не просто уроженцы города, это объединяющее множество национальностей, сплетение культур и характеров, живших и живущих в Тбилиси. Это образ, пропитанный теплотой, гостеприимством и неповторимым колоритом города. Каждая семья, каждый дом хранит свою историю, свою национальную принадлежность, но всех их объединяет особая, тбилисская душа!

Были ли у Лёвы грузинские корни? Этот вопрос часто ви-

тал в воздухе.

Нет, по крови Лёва был русским, но трепетная любовь к Грузии, ко всему яркому и самобытному кавказскому миру, осталась с ним навсегда. Было время, когда молодой человек даже всерьёз подумывал связать свою судьбу с грузинской девушкой.

Ему часто говорили, что он не похож на русского, и Лёва с гордостью отвечал, что он тбилисский русский, а это уже другая история — история, пропитанная солнцем и ароматом хинкали, история, где смешиваются языки и культуры.

Лара всегда удивлялась тому, как он мог разглядеть «своих — тбилисских», завязать разговор с незнакомцем — будь то кафе или такси, — и оказывалось так, что это армяне, чеченцы, езиды, рассказывающие о своих тбилисских корнях. И тогда они обнимались как родные, словно между ними не было языковых барьеров, а только искреннее братство.

Жека с Васей зарулили в уютный ресторанчик грузинской кухни, славившийся своим домашним вином — тем самым, которое так ценил Лёва.

— Жека, слушай, давай заодно прихватим хинкали-минкали да хачапури-мачапури для нашего дорогого Лёвчика? — подмигнул Вася.

— О, точно! Жди здесь, я мигом! — И Вася пулей метнулся к стойке оформлять заказ.

«Кто это там ещё?» — Лёва, работавший за компьютером над срочным отчётом, вздрогнул от резкого сигнала домо-

фона. Подойдя к экрану, он увидел до боли знакомые физиономии своих лучших друзей.

Рад ли он был их видеть? Ещё бы! Этим ребятам Лёва был рад всегда, ценя их крепкую мужскую дружбу. Они прошли вместе огонь, воду и медные трубы, принимая друг друга такими, какие есть, со всеми тараканами и сложностями характера. В наш суетный век, когда людей меняют чаще перчаток, они стояли друг за друга горой.

— Лёва, ну нам долго тут куковать?! Пошевеливайся! — нетерпеливо гудел Вася в домофон.

— Открываю, открываю!

Через пару мгновений двое друзей уже топтались у порога. Лёва распахнул дверь.

— Привет, братан! С днюхой тебя, хэппи бёздей! — выпалил Жека, с ходу протягивая Лёве бутылку вина.

— Пацаны, я же вчера знатно перебрал, вы издеваетесь?!

— Значит, и сегодня наверстаешь! — усмехнулся Жека, мягко оттесняя приятеля, чтобы протиснуться в квартиру.

Жека поднял пакеты с аппетитной едой на стол и сунул вино Лёве:

— Закинь-ка в морозилку, пусть охладится.

— А я смотрю, вы точно знаете, чем мою душу порадовать! — хмыкнул Лёва, извлекая из пакетов ароматный аджарский хачапури и дымящиеся хинкали.

— Лёв, тарелки где, напомнишь? — спросил Вася, оглядываясь.

— В посудомойке, чистые.

Вася окинул квартиру хозяйским взглядом: ни пылинки, ни намёка на грязную посуду, одежда аккуратно сложена.

— Братан, ты уникам! Как мужик может быть таким чистюлей?!

— Я столько лет провёл в такой грязище, что теперь её на дух не переносу, — Лёву заметно передёрнуло, в памяти всплыли неприятные картины детства, от которых до сих пор становилось тошно.

Вася тактично промолчал, не желая, чтобы друга снова затянуло в болото тяжёлых воспоминаний.

Минут через пятнадцать стол был щедро накрыт, напитки разлиты по бокалам, и троица друзей уже сидела в предвкушении.

— Ну что, братишка, за тебя! Будь здоров, счастлив, знай — ты лучший, и мы всегда рядом. А остальное пусть Вася добавит, в нём бурлит армянская кровь, а тосты у них — это искусство! — с широкой улыбкой произнёс Жека.

— Жека, я уже сто раз тебе объяснял: любой тост лучше начинать с фразы: «Присоединяюсь ко всем сегодняшним поздравлениям!» — с ней никогда не промахнёшься. Так что, Лёва, за тебя!

— Вась, это прямо-таки какой-то еврейский тост!

— Кажется, он был придуман специально для таких, как Жека, которым красноречие не дано от природы.

Друзья дружно опрокинули бокалы за Лёву и громко рас-

смеялись.

— Ну, по традиции: два коротких, один длинный! Лучшие, лучшие, лучше нас нет! Гип-гип, ура-а-а! — прокричали они и по-братски обнялись.

— Кстати, Лёв, не знаю, успокоит тебя это или нет, но я тут статистику читал: оказывается, женщины изменяют чаще мужчин, — вставил Вася и, помедлив пару секунд, добавил, похлопав друга по плечу: — Это я к тому, что ты не одинок в своей беде, братан.

— Я смотрю, ты основательно подготовился к нашей встрече. — И все трое снова дружно рассмеялись.

— А как иначе? Тебя же надо было как-то взбодрить. «Яндекс» в помощь!

— Ха-ха-ха!

— Пацаны, мне сегодня мысль в голову пришла... А что, если у нас в семье давно уже был затяжной кризис, а мы его просто не замечали? Может, ребёнок спас бы наши отношения, — с ноткой печали в голосе произнёс Лёва.

— Лёв, дети ещё ни одну семью не спасли. Наоборот, малыш бы всё это через себя пропускал. Вспомни, как ты сам реагировал на родительские ссоры... — начал Жека и осёкся, решив не продолжать.

— Жека, ты прав... Просто лезут в голову всякие мысли, пытаюсь докопаться до истины. Хотя никакой истины тут нет. Ответ прост: отношения себя изжили, и всё, жирная точка. — Лёва снова погрузился в свои думы, на пару секунд

задержав взгляд на фотографии, висевшей на стене.

— Лёв, ты планируешь её прощать?

— Нет, — отрезал он.

— Тогда можно я это сделаю? — Жека показал на фотографию Лёвы с Ларой. Он поднялся из-за стола, двинулся к стене, где висела та самая их общая фотография, решительно снял её, подошёл к мусорному ведру и без колебаний швырнул снимок внутрь. — Брат, это уже точно лишнее в твоей жизни.

— А теперь — за новую жизнь, брата-а-ан! — зычно крикнул Вася.

Лёва невольно рассмеялся и подумал, как же чертовски важно иметь таких вот настоящих друзей.

— Пацаны, спасибо, что вы рядом! — Лёва снова крепко обнял друзей, и на этот раз слёзы предательски навернулись на глаза. — Вы были со мной в самые дерьмовые моменты жизни, и вот опять... такой затык, а вы всё бросили и примчались. Если я за что-то и благодарен Богу, так это за вас. Ребят, давайте за вас! Просто будьте здоровы и счастливы.

— Когда другу хреново, мы обязаны быть рядом, — твёрдо сказал Вася.

— Сегодня подумал, что хочу свалить из этого грёбаного города, — признался Лёва.

— Думаешь, поможет? — скептически хмыкнул Вася.

— Не знаю, Вась. Надеюсь, что да.

— От себя не убежишь, братан, — вставил Жека. — Ты

можешь менять страны, города, острова, но ты всегда будешь тащить с собой в эти путешествия самого себя и свои мысли. Можно долго бегать, но нужно быть честным с самим собой. Где бы ты ни оказался, спроси себя: от чего я сейчас хочу убежать? Или от кого?

— Жека, ты, часом, на психолога не пошёл учиться? — с усмешкой протянул Вася.

— Ха, нет. Это я все на собственной шкуре понял.

— Да уж, тебе мы верим. Всё-таки за твоими плечами шестьдесят девять стран, а ты всё равно возвращаешься обратно, — с улыбкой подколот Вася.

— Знаешь, Вась, я действительно бежал, — признался Жека. — От себя, от кого-то, от чего-то... Придумывал себе развлечения. Казалось, куплю новый телефон последней модели — и на душе полегчает. Куплю машину, о которой мечтал, — и станет лучше. Поеду в Америку... Но счастливее я не становился. Пока не осознал: если сам в себе не разберусь, то мне нигде не будет по-настоящему хорошо.

— Ты прав, Жек. Поддерживаю, от себя не сбежишь.

— Знаете, ребята, не хочу я больше никаких отношений. И в любовь больше не верю.

— Лёв, это всё до поры до времени. Пока не ляжешь спать в холодную, одинокую кровать, и так захочется тепла, любви, ласки... Ведь у женщин мощнейшая энергия, данная им Богом — или Вселенной, кто как называет, — то, чего мы, мужики, нигде больше не восполним. Так что выпьем за лю-

бовь, друзья!

— Вась, всё-таки твоя кавказская кровь действительно умеет поддержать в трудную минуту! — со смехом заметил Жека.

— Анекдот вспомнил: «Папа, а правда, что на Кавказе жених узнаёт, кто его невеста, только после свадьбы?» — «Это везде так, сынок...»

— Лёва, как ты только умудряешься запоминать столько анекдотов в наше время?

— Я тоже старый анекдот вспомнил. Пациент на приёме у психолога жалуется на жизнь: «Понимаете, доктор, всё как-то очень хреново: с работы уволили, машину угнали, дача сгорела, жена ушла к другому...» Психолог: «Ну-ну, голубчик! Жизнь — она ведь как зебра: полоса чёрная, полоса белая... Вот увидите, всё наладится!» Проходит полгода. Тот же пациент звонит тому же доктору: «Доктор! Знаете, вы были совершенно правы, всё изменилось! И знаете, ТА полоса... была БЕЛОЙ!!!»

Все трое громко рассмеялись. А у Лёвы в голове мелькнула горькая мысль, что его жизнь — это сплошная чёрная полоса. Иногда, казалось, проглядывала белая, но тут же снова исчезала. Он тряхнул головой, отгоняя непрошеные мысли.

— О чём задумался, Лёв?

— О том, что юмор мир не спасёт, а только слегка его приглушит.

— Не понял?

— Да вот мысль пришла: юмор в трудную минуту — это как пара капель перекиси на кровоточащую рану. Кровь-то остановит, но сама рана всё равно останется.

— Лёв, время лечит.

— Жек, время не лечит. Оно лишь притупляет боль, но не заживляет до конца. А шрам остаётся на всю жизнь.

— Братан, ты в жизни столько дерьма вынес, прости за выражение, что нынешнее — это для тебя так, цветочки. Ты ещё встретишь своё счастье, я в этом уверен.

— Да я и до этого думал, что счастлив, Вась, пойми... — произнёс Лёва, и глаза его предательски заблестели. Он быстро потёр их.

— Лёв, сейчас в это трудно поверить, но белая полоса обязательно будет.

Часы показывали два ночи. Время за душевным разговором трёх товарищей пролетело как один миг. Парни поднялись из-за стола, крепко обняли Лёву и почти в один голос сказали:

— Мы рядом, братан! — И направились к выходу.

Два друга шли молча, каждый погружённый в свои мысли. Первым тишину нарушил Жека:

— Вась... мне страшно за Лёвку. Мы его уже два раза вытаскивали... А в этот раз успеем?

— Жек, я думаю, он справится. Но от Лары я такого, конечно, не ожидал. Вот же стерва.

— Вась, она просто выбрала деньги.

— Лёвке надо было с ней пожестче быть.

— Да он всю жизнь был жёстким! Жизнь его была, как только могла. Он просто хотел, чтобы рядом была женщина, которая его любит и принимает таким, какой он есть.

А Лёва тем временем молча собрал посуду, загрузил её в посудомоечную машину и, не раздеваясь, пошёл в спальню.

Глава 5

Человеку, который винит других, предстоит долгий путь, тот, кто винит себя, уже на полпути, а тот, кто никого не винит, уже прибыл.

Китайская мудрость

7:00. Звонок будильника. Лёва еле смог приоткрыть один глаз, отложил будильник на пять минут вперёд и снова заснул, потом снова переставлял его — так продолжалось три раза.

Наконец, приподняв голову с подушки, Лёва подумал: «Ох, как трещит голова! Перегаром несёт. Не стоило переходить на водку. Сегодня поеду на метро».

Он направился в ванную комнату и взглянул на себя в зеркало — вид у него был не ахти. Быстро побрившись и испугавшись, надел свой любимый костюм, перекусил и бросился в путь — до работы оставался всего час.

Лифт долго не ехал. Чёрт! Лёва рванул по лестнице, до-

брался до остановки, сел в маршрутку, затем пересел на метро. Выйдя из подземки, он поспешным шагом направился к зданию. Лёва не любил опаздывать и не переносил, когда другие опаздывали. Он задумался: почему это так важно для него?

Мысли прервал звук удара под ногами. Посмотрев вниз, он увидел книгу. Приподняв взгляд, Лёва удивился: «Показалось? Откуда?» — пронеслось у него в голове. Он поспешно огляделся: возможно, мимо проходил кто-то и случайно уронил. Но рядом никого не было. Осторожно наклонившись, поднял книгу, пальцы пробежали по обложке, украшенной камнями.

Книга была большой, массивной. Лёва открыл её, на первой странице блестела золотом выгравированная надпись «Книга Судеб». Он резко закрыл её и бросил в портфель. Взглянув на часы, увидел время — 8:55. Чёрт! Он ускорил шаг.

Успел! Открыв ключом свой кабинет, Лёва стал поспешно снимать плащ и подходить к рабочему столу, когда в дверь постучались. Обернувшись, он увидел шефа.

— Доброго утра, Александр Анатольевич!

— Привет, Лёва! Тебе нужно заменить табличку, — сказал тот.

— Не понял, Александр Анатольевич?

— До тебя ещё слухи не дошли? — с недоумением спросил шеф.

— Какие слухи? За ними не успеваю следить, каждую минуту новые, — слегка улыбнулся Лёва.

Как тяжело улыбаться, когда на душе кошки скребут! Ему хотелось, чтобы шеф ушёл поскорее — Лёва ещё не успел проснуться, голова продолжала трещать.

— Сегодня в 10 планёрка. Узнаешь. И кстати, с прошедшим днём рождения!

— Спасибо.

Лёва включил компьютер. На экране была установлена фотография совместного с женой отдыха на Бали, запечатлевшая момент, когда они оба смеялись, окруженные яркими тропическими цветами и тёплым светом заката. Этот кадр был сделан всего шесть месяцев назад, и в тот день Лёва подарил Ларе вечер у океана, наполненный звуками саксофона — музыки, которую она так любила. Он вручил ей ключи от машины, и её глаза засияли от счастья. Она радостно прижалась к нему, а потом поцеловала с такой страстью, что казалось: весь мир вокруг исчез. «Ты — самый лучший!» — шептала она, и в её голосе звучала такая искренность, что Лёва чувствовал себя на седьмом небе.

Но сейчас, глядя на эту фотографию, в сердце Лёвы закралась горькая мысль: «Видимо, не самый лучший». Вспоминая тот вечер, он осознал, что все те моменты счастья были лишь иллюзией. Как же легко было любить тогда, когда мир казался идеальным!

В Лёве поднялась тошнота от её фальшивой улыбки. Как

он мог с ней жить? Он удалил фото с рабочего стола. Но легче не стало; наоборот, ему становилось хуже. Защемило сердце, не хватало воздуха — ощущение, будто он умирает. «Боже, что со мной? Давно такого не было!» — подумал он и подошёл к окну. Открыв его, сделал три глубоких вдоха и выдоха. Прошло десять минут — стало легче.

В дверь снова постучались.

— Лев Николаевич, через 40 минут начинается планёрка... — Вошла Света и заметила его состояние. — У вас всё хорошо?

— Что-то сердце защемило...

— Может, валерьянки?

— Да, Света, принеси, пожалуйста.

Через пару минут Света вернулась с валерьянкой и водой.

— Спасибо. Ты что-то хотела сказать?

— Нужно подготовить информацию для планёрки?

— Нет, Света, спасибо. Я чуть подремлю. Не пускай никого ко мне, скажи, что я занят. Зайди за пять минут до планёрки и напомни, ок?

— Хорошо. Вам точно не нужна скорая? — спросила Света тревожным голосом.

— Нет, Света, спасибо.

Он прилёг на диван и уснул. Разбудил его стук в дверь.

— Лев Николаевич, пора идти на планёрку.

— Спасибо, Света, иду...

Лёва встал, собрал документы и вышел в коридор.

Когда он подошёл к кабинету шефа, коллеги уже собрались там. Лёва поспешно вошёл и занял свободное место, в очередной раз отметив общую атмосферу помещения. Вся мебель в кабинете была изготовлена из красного дерева — как говорят: «дорого-богато», а на одной из стен гордо висели многочисленные грамоты, на полках блистали ордена и статуэтки, свидетельствующие о победах и достижениях компании.

Александр Анатольевич был благодарным начальником, коллектив его уважал и ценил, он никогда не приписывал общие победы только себе, всегда говорил: «Компания — это машина, а каждый из вас — это деталь в этом сложном механизме. Если где-то поломка, то она далеко не поедет, поэтому только ваша слаженность и преданность общему делу приведут к победам и заведут автомобиль».

— Друзья! Всем доброго утра! На этой неделе готовимся к выставке во всю силу. Давайте поднажмём — мы должны быть лучшими! В среду отчитываемся о том, на каком этапе работы находимся. Ещё давайте поздравим нашего коллегу с прошедшим днём рождения! Желаем здоровья и терпения в нелёгком труде. Мы уважаем тебя! — Шеф протянул мне подарок и добавил: — Это ещё не все подарки.

— Спасибо, друзья!

— Лев, я хочу предложить тебе должность своего зама. Ты согласен? — спросил начальник

Лёва на секунду замер; после вчерашнего он ещё не ото-

шёл и соображал медленно

— Не понял... В смысле?

— В прямом! Лев, через неделю ты приступаешь к новой должности.

— Я? — у Лёвы округлились глаза.

— Да! — подтвердил начальник и засмеялся. — Через неделю ты вступаешь в новую должность, — вновь повторил шеф.

— Я? — снова переспросил Лева, не веря своим ушам.

— Да, Лёва! — сказал Александр Анатольевич и снова засмеялся.

— Что-то я торможу, это неожиданно для меня.

— Так ты согласен, Лева?! — поинтересовался начальник.

— Да... — у Лёвы застучало сердце ещё сильнее, то ли от счастья, то ли от тревоги.

Коллеги похлопали и поздравили Лёву.

— Спасибо, Александр Анатольевич, за доверие! Спасибо и вам, друзья!

— Тогда по местам, коллеги! — сказал начальник.

Лёва вышел, непонимающе глядя по сторонам. Что происходит с ним эти три дня? На его голову свалилось столько новостей, что он явно к этому не был готов.

Сидя за своим рабочим столом, он думал: «Что будет дальше? Смогу ли я?» — традиционный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.